

ОНОМАСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

Е. Бюши
О. Вирт

ОТ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕСКРИПЦИИ К АНТРОПОНИМУ: О ВОЗМОЖНОМ ВКЛАДЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ В ТЕОРИЮ МОДИФИЦИРОВАННОГО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО*

1. Задачи, методы, источниковедческая база

1.1. Предлагаемые ниже размышления о модификации имени собственного¹ направлены на то, чтобы завязать диалог между исторической и теоретической ономастикой, двумя дисциплинами, которые уже давно отделились друг

* Первая публикация: *Buchi E., Wirth A. De la description définie au nom propre de personne: sur un apport possible de l'anthroponymie historique à la théorie du nom propre modifié // Langue française. 2005, n° 146. P. 23–38.*

¹ Во французской теоретической ономастике имя собственное (ИС) называют «модифицированным», когда его употребление не связано с реализацией его так называемых «прототипических функций», каковыми признаются: а) референциальная (имя соотносится с реально существующим и притом единичным референтом); б) дистриктивная (имя служит различению объектов именованья); в) идентифицирующая (имя закрепляется за конкретным объектом в качестве его «знака»). Чаще всего модификация происходит тогда, когда ИС употребляется в определенном грамматическом контексте с различными детерминативами (артикли, местоимения, числительные, прилагательные; в этом случае о них говорят как о «модификаторах» ИС: *un certain Leblanc* <некто (по фамилии) Леблан>, *tes Julies et Mariannes* <твои Жюли и Марианны>) или как часть составного сказуемого (*il n'est pas Balzac* <он не Бальзак>). Таким образом, проблема «модификации» ИС трактуется как синтаксическая, связанная с влиянием окружения ИС на его референциальный статус. — *Прим. перев.*

от друга², но результаты которых, как нам думается, должны служить взаимному обогащению.

1.2. Корпус, на который опирается данное исследование, составляет северофранцузская часть антропонимической базы данных, разработанной в рамках проекта PatRom (Patronymica Romanica. Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane³). Этот проект объединяет четырнадцать исследовательских групп в странах романской речи — от Португалии до Румынии⁴; его цель — этимологизация общего ядра антропонимии, восходящей к апеллятивной лексике и распространенной в различных странах Европы⁵. Для интересующего нас ареала база данных дает 172 464 словоупотребления, извлеченных из 184 исторических источников (картулярии, реестры, церковные книги, переписи) XI–XVIII вв.⁶

Полученный нами корпус представляет реальное употребление французских личных имен на протяжении нескольких столетий. Впрочем, несмотря на свое богатство и надежность, эта база данных используется явно недостаточно: на данный момент она послужила основой лишь для 290 статей (ALACER, ALAMANNUS, ALBUS, AMĀRUS, AURICULAR, BALBUS, BECCUS, *BLANK, *BLUND, BRITTUS, CABALLUS, CATALĀNUS и т. д.) находящегося в печати словаря PatRom⁷. Наше исследование использует эту базу иначе, скорее, в синтаксическом, нежели собственно лексическом направлении. Привлечение данного

² Ср. [Chambon, 1988, 177]: «Упомяну здесь известный номер журнала *Langages* <...>. Ономасты, которые еще не успели с ним ознакомиться, несомненно, прочтут его с интересом. Не только потому, что составляющие его пять статей <...> демонстрируют — пусть частично — разнообразие современных подходов к имени собственному (в частности, в логике, в философии языка, в психолингвистике, в антропологии), но также потому, что они позволяют составить представление о том, как ономастика воспринимается извне. Тот факт, что ономастика совершенно не представлена в нем в качестве историко-филологической дисциплины, симптоматичен. Не происходит ли так, что ономастику того и гляди вытеснят — да так, что она сама этого не заметит, — с ее собственной территории?»

³ *Patronymica Romanica*. Исторический словарь романской антропонимии. — *Прим. перев.*

⁴ Ср. [Kremer; Cano, Germain, Kremer]; см. также Интернет-сайт проекта: <http://patrom.fltr.ucl.ac.be>. Методология работы представлена в [Chambon, 1996, 1998; Buchi, 2001; Wirth, 2003].

⁵ Ср. также проект GREHAM (Groupe de Recherche Européen sur l'Histoire de l'Anthroponymie Médiévale <Европейская исследовательская группа по изучению истории средневековой антропонимии>), возглавляемый медиевистом Моник Бурен (Bourin), задачи которого скорее комплексные.

⁶ Мы не рассматриваем здесь 130 969 словоупотреблений, касающихся романской части Бельгии, их было бы интересно проанализировать в одной из будущих работ. Мы благодарим Жана Жермена и Бориса Марутаефа из университета Лувен-ля-Нев за то, что они сообщили нам эту цифру.

⁷ На момент подготовки данного перевода вышли три выпуска словаря: *Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane (Patronymica Romanica)* / A. M. Cano González, J. Germain, D. Kremer (éd.) : Vol. I/1 : Introduction. Cahier des normes rédactionnelles. Morphologie. Abréviations et sigles (2007) ; Vol. I/2 : Bibliographie des sources historiques (2007) ; Vol. II/1 : L'homme et les parties du corps humain 1 (2004). — *Прим. перев.*

корпуса тем более необходимо, что теоретические размышления ономастов чаще всего основываются на весьма ограниченном материале, обычно извлеченном из современных источников.

1.3. Говоря более конкретно, мы намереваемся поразмышлять о статусе не-агглютированного определенного артикля, который сопровождает некоторые средневековые антропонимы. Используя этот единственный критерий в качестве показателя модификации, мы решительно солидаризируемся с теми ономастами, которые отдают предпочтение синтаксическому подходу в ущерб подходу семантическому, менее удобному при изучении древних языков (обсуждение этих двух подходов см. в [Noailly, 109–111]).

Вот несколько примеров из источников PatRom⁸: *li Berart* (Ньор, XIII в.); *la Barbierie* (Понтуа, 1287); *le Clerc poessonnier* (Блуа, 1389); *li sires Forquez de Jurue* (Мец, 1251); *li dicte dame Marie Maqueriele* (Сизуэн, 1393).

Объединение этих примеров может показаться удивительным. Действительно, различия между этими пятью случаями очевидны, касается ли это их внутренней структуры, этимологии составляющих их элементов или статуса начального артикля. Объединяет их то, что все они соответствуют определению того, что мы называем «антропонимической цепочкой» (*chaîne anthroponymique*): это именная синтагма, включающая в себя как минимум антропоним⁹ (а иногда и другие удлиняющие синтагму элементы), референтом которого является конкретное лицо и который выступает в качестве единицы некоего речевого целого (*ensemble discursif*). Обычно в документах, послуживших источником для базы данных PatRom, такие речевые отрезки представлены в виде списка антропонимов — антропонимические цепочки суть единицы такой парадигмы.

1.4. Чтобы читатель смог составить более ясное представление об этом типе документов, мы приведем пример. Это отрывок из податного списка от 1425 г., составленного в Лотарингии (Шатель-сюр-Мозель, департамент Вогезы), который ранее уже был опубликован одной из нас [Wirth, 2002]:

C'est le paipier de l'ayde faite a monseigneur
 en sa terre de Lorrenne pour le
 fait de sa guerre contre l'evesque de
 Basle et cl au mois de decembre
 l'an mil.iiii^c XXV. — Cet premiers
 Chastel la ville
 Хаievin .iii. florins
 Rolin .ii. florins
 la femme Ferriot .vi. gros

⁸ Из соображений экономии места мы не даем библиографические ссылки для каждого из цитируемых примеров. Читатель может найти указание источников PatRom на сайте проекта (см. сноску 5).

⁹ Разумеется, этимологически это имя собственное может быть как антропонимом, так и апеллятивом, топонимом и даже целым высказыванием (в случае с делокутивами).

Hesselewat	.iii. florins
Mengin Pourcel	.ii. florins
Jehan Werrey	.viii. florins
la femme Wauterin	.vii. gros
Girart Bouart	.iii. florins
Jaiqot tixeran	.iii. florins
le berbier Estienne	.viii. florins

<Это документ о помощи, сделанной монсеньору в его лотарингских владениях в связи с его войной против епископа Базеля и кл[ира] в декабре месяце года 1425. — Сначала в городе Шастель: Ксайвен — 3 флорина, Ролен — 2 флорина, женщина Ферьо — 6 грошей, Хессельват — 3 флорина, Менжен Пурсель — 2 флорина, Жан Верей — 8 флоринов, женщина/жена Вотрен(а) — 7 грошей, Жирар Буарт — 3 флорина, Жайко ткач — 3 флорина, цирюльник Эстьен — 8 флоринов.>

По своей структуре текст похож на амбарную книгу: левая колонка содержит список подателей, тогда как справа указываются суммы, которые они внесли. Удивляет разнообразие способов именования (собственно личные имена чередуются с разнообразными антропонимическими цепочками). Так, *цирюльник Эстьен* упоминается наряду с *Ксайвеном* или *Роленом*: антропонимические цепочки с артиклем входят в ту же парадигму, что и немодифицированные личные имена¹⁰.

Можно сказать, что отношение между личным именем (*Ксайвен, Ролен, Ферьо*) и антропонимической цепочкой (*Ксайвен, Ролен, женщина/жена Ферьо*) той же природы, что между существительным и именной синтагмой¹¹: сближение антропонима и антропонимической цепочки соответствует переходу от порядка языка к порядку дискурса (даже если, как в нашем случае, речь идет о дискурсе строго определенного типа¹²).

1.5. И последнее уточнение. Из трех групп модифицированных имен собственных, выделяемых Клейбером [Kleiber, 1992, 186] на основе референциального критерия, анализируемые здесь единицы попадают в категорию тех, «чей референт продолжает быть одним из или единственным носителем имени собственного»: *le berbier Estienne* отсылает к конкретному цирюльнику по имени Эстьен, а не к единственной характеристике этого Эстьена и уж тем более

¹⁰ Впрочем, мы исключили из перечня антропонимические цепочки типа *le fils Guillaume Torel* <сын Гийома Тореля> (Нормандия, 1340) или *la fame Symon lymagier* <жена художника Симона> (Париж, 1300). Их особенность заключается в том, что за словом в субъектном падеже следует определение, выраженное именем в косвенном падеже, — такие случаи заслуживают того, чтобы мы проанализировали их в отдельной работе.

¹¹ О возможности сближения имени собственного с классом именных синтагм см. [Flaux].

¹² Нам представляется крайне удачной такая формулировка: «регулярный тип речепроизводства, в котором ономастический знак играет первостепенную роль (production langagière réglée dans laquelle les signes onomastiques tiennent un rôle de premier plan)» [Chambon, 2004, 105] (по поводу ценового регистра, вставленного в текст устава монастыря в Согзилянже).

не к какой-то сущности, связанной с этим Этьеном тем или иным отношением. Выражаясь конкретнее, анализируемые здесь антропонимические цепочки принадлежат к тем употреблениям, которые Йонассон [Jonasson, 182–214] называет «деноминативными», а Клейбер [Kleiber, 1981, 385–404] описывает с помощью деноминативного предиката «именоваться /N/(x)»¹³.

2. Результаты

2.1. Количественная оценка

Из 172 464 антропонимических цепочек, извлеченных из базы *PatRom* и соответствующих северофранцузскому ареалу, 1902 начинаются с определенного артикля, будь то артикль *li* (797 случаев или 42 %), *le* (736 случаев или 39 %), *la* (266 случаев или 14 %), *l(')* (72 случая или 14 %), *lou* (27 случаев или 1 %), *lo* (3 случая или менее 1 %), *lu* или *ly* (по 1 случаю). Эти 1902 антропонимических цепочек, которые мы могли бы назвать «модифицированными» (так как они начинаются с определенного артикля — классического «модификатора»), представляют немногим более 1 % всего корпуса антропонимических цепочек, извлеченных из базы данных, — таким образом, речь, очевидно, идет о маргинальном явлении.

В то же время, не стоит забывать, что в антропонимических цепочках всего корпуса определенный артикль появляется чаще, чем в тех цепочках, о которых шла речь выше: во-первых, напомним о намеренно исключенной из нашего исследования особой группе цепочек, в которых за словом в субъектном падеже следует определение, выраженное именем в косвенном падеже (типа *le fils Guillaume Torel* или *la fame Symon lymagier*, см. прим. 10); во-вторых, определенный артикль может появляться внутри антропонимической цепочки и детерминировать лишь один из его элементов: *Petrus li Chardoniers* <Петрюс Чертополошник¹⁴> (Париж,

¹³ Во французской теории «модифицированного имени собственного», опирающейся главным образом на логическую традицию, «деноминативными» принято называть такие употребления онимов, как: *J'ai connu une Minville il y a longtemps* <Когда-то давно я знал одну Менвиль>; *Car il en naît des petits Gianpietro* <Ибо рождаются маленькие Джанпьетро>; *Il y a trois Alfred dans le village* <В деревне живут три Альфреда> и т. п. Такие употребления, как правило, связаны с изменением референциального и грамматического статуса имени, что выражается в появлении перед именем детерминативов (артиклей, указательных или притяжательных местоимений, числительных), причем функция и семантика соответствующего детерминатива тесно связаны с характером «модификации» (ср. во французском языке: *Pierre* 'Пьер' vs. *un Pierre* 'некий Пьер, какой-то Пьер, один [из многих] Пьер' vs. *le Pierre* 'тот самый Пьер'). «Деноминативный предикат» Клейбера позволяет выявлять такие употребления, подставляя в высказывание между детерминативом и именем предикативное сочетание «человек, именуемый + ИС» (ср. *Il y a trois Alfred dans le village* = *Il y a trois [hommes nommés] Alfred dans le village*). Такие случаи подробно разбираются в цитируемой авторами статьи книге Керстин Йонассон [Jonasson, 1994]. — Прим. перев.

¹⁴ *Chardonier* (*chardonnier*) — в средневековом Париже наименование торговцев чертополохом (ворсянкой), который использовался для придания мягкости шерстяной ткани. — Прим. перев.

1216), *Goudefrin lou Bague* <Гудфрен Колечко> (Мец, 1279), *Mahieu de Claires l'ainsné* <Маие де Клер старший> (Руан, 1381).

2.2. Качественная оценка

2.2.0. Введение

Приводимая ниже сводная таблица объединяет три критерия, необходимые для качественной оценки полученных результатов: диахронический критерий, который, как мы уже говорили, в данном случае не релевантен; категориальный (природа элемента, следующего непосредственно за артиклем); синтаксический (внутренняя структура антропонимической цепочки). Два других полезных для качественных оценки критерия будут вводиться постепенно по ходу изложения: ареальный аспект и морфологический (последний будет касаться только форм женского рода).

Сводная таблица 1 902 антропонимических цепочек из базы данных PatRom, начинающихся с определенного артикля

	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	Всего
Артикль + лексема		2	140	523	99	14	6	16	800
Артикль + лексема + X		1	226	414	43	6	2	23	715
Артикль + титул + лексема + X		1	5	17			1	2	26
Артикль + титул + имя + X			114	91			2		207
Артикль + вводный элемент + лексема			5		2	1		1	9
Артикль + вводный элемент + лексема + X			1					3	4
Артикль + вводный элемент + имя			1	1					2
Артикль + вводный элемент + имя + X			8	7	2	1			18
Артикль + вводный элемент + топоним			1	1					2
Артикль + личное имя	1	2	27	43	22				95
Артикль + имя + X			12	7	2	1			22
Артикль + топоним			1		1				2
<i>Итого</i>	<i>1</i>	<i>6</i>	<i>541</i>	<i>1104</i>	<i>171</i>	<i>23</i>	<i>11</i>	<i>45</i>	<i>1902</i>

2.2.1. Диахронический аспект

Без соответствующих пояснений чтение этой таблицы могло бы навести на мысль о том, что антропонимические цепочки характерны для XIII и XIV вв. (541 употребление, или 28 %, для XIII в. и 1 104 употребления, или 58 %, для XIV в.). Однако такой вывод был бы ошибочным, потому что эти цифры отражают лишь специфику формирования базы данных проекта *PatRom*: на XIII–XIV вв. приходится важнейший этап формирования романского антропонимикона, поэтому этим двум столетиям отдавалось предпочтение при отборе источников.

2.2.2. Категориальный аспект

Второй критерий оценки касается категориального аспекта, т. е. природы элемента, следующего непосредственно за определенным артиклем — мы будем называть его «основой» (*pivot*) антропонимической цепочки. Сообразно трем главным источникам антропонимии¹⁵, это могут быть: нарицательная лексема, имя человека или название местности, из которой он происходит (случай перехода топонима в антропоним).

Очевидно, самый частотный случай касается апеллятивных основ (т. е. основ, представленных лексемой или отапеллятивным антропонимом — различие между ними не всегда легко устанавливается). Полагая, что не все лексемы, могущие занимать это место, играли одинаковую роль в антропонимии, мы разделили их на три группы: с одной стороны, титулы (*li sires Forquez de Jurue* <сир Форкез де Жюрю>) и вводные элементы (*introduceurs*) (*la dite Pedoge* <прозванная/называемая Педож>), которые всегда обязательно сопровождаются одним или несколькими дополнительными антропонимическими элементами (Форкез, Жюрю, Педож), кроме них мы также выделяем лексемы *stricto sensu*, которые могут употребляться в функции антропонима самостоятельно (*l'Orfevre* <Ювелир>).

Именно эта группа является наиболее значительной: 1 515 антропонимических цепочек (80 %) построены по модели «артикуль + лексема *stricto sensu* (+ в некоторых случаях X)». Вот некоторые примеры: *la Tirefer* (Париж, 1297), *li Beigues* <Заика> (Труа, XIII в.), *l'Orfevre* (Понтье, 1311/1312), *le Boçu savetier* <Горбун сапожник> (Шампань, 1338), *li Clerc de Rotechault* <Священник из Ротшо> (Безансон, XIV в.), *la Caille de Bunsey* <Перепелка из Бюнсей> (Шатийон-сюр-Сен, 1430/1432) или *la Frisée* <Курчавая (женщина)> (Бон, 1470).

В 233 случаях (12 %) цепочки строятся по модели «артикуль + титул + X», что также является относительно частотным явлением: *li sires Forquez de Jurue* (Мец, 1251), *li segneur Boucquin Chielairon li maistre eschevin de Mets* <сеньор Букен Шьелерон, судья города Мец> (Мец, XIV в.), *la dame de la Melloe* (Париж, 1297).

По сравнению с этой моделью цепочки, построенные по схеме «артикуль + вводный элемент + X» заметно менее частотны — всего 35 употреблений (2 %):

¹⁵ Делокутивы, в силу своей количественной слабости [ср.: Chambon, 1990], не учитывались в нашем корпусе.

la dite Pedoge (Пуатье, 1296), *li diz Bernars Tronkiere* (Париж, XIII в.), *li dicte dame Marieu Macqueriele* (Сизуэн, 1393), *le dit Petit* (Труа, 1547) или *le nommé Bunel* (Версон, 1790).

Если ббольшая часть рассматриваемых случаев касается антропонимических цепочек, в которых первым (а иногда и единственным) элементом, следующим за артиклем, является лексема, то 117 употреблений (6 %) строятся как сочетание артикля с личным именем: *la Guyomarde de Vile Dolz* (Онис, 1246), *li Jordan Fraessens* (Аппас, XIII в.), *le Francois* (Понтье, 1311/1312), *la Germaine* (Тур, 1314), *ly Jehan de Chesseigne* (Безансон, 1386).

Случаи появления цепочек с оттопонимической основой крайне редки; в нашем корпусе только две антропонимических цепочки, состоящих из определенного артикля и названия местности: *la Biaroe* (Ньор, 1249/1271) и *la Villeret* (Шатийон-сюр-Сен, 1430/1432). В случае с *la Biaroe* гипотеза об основе-топониме подтверждается параллелями: *Joh. de Biaroe* (Ньор, 1249/1271), *Marce de Biaroe* (Ньор, 1249/1271) и *Poquet de Biaroe* (Ньор, 1249/1271) — все они обнаружены в одном и том же источнике и содержат предлог *de*, который трудно интерпретировать как-то иначе, нежели как указание на происхождение («*Johannes qui vient de Biaroe*» <Жоан родом из Бьярое>, «*Marce qui vient de Biaroe*» <Марс родом из Бьярое> и т. д.)¹⁶. Что касается *la Villeret*, обнаруженного в одном из документов в Шатийон-сюр-Сен (север департамента Кот-д'Ор)¹⁷, то можно предполагать, что в данном случае имя происходит от топонима *Villeret* (название коммуны, расположенной на востоке департамента Об, впервые засвидетельствованное в 854 г. (*Villa rivi*) [Boutiot, Socard]).

2.2.3. Синтаксический аспект

Теперь мы обратимся к синтаксическому аспекту, т. е. к внутренней структуре антропонимических цепочек. Что касается лексем *stricto sensu* (в данном случае мы не рассматриваем цепочки с титулами и вводными элементами, по определению требующими расширения синтагмы), то простые цепочки (артикль + лексема: *li Beigues*) мы встречаем немногим чаще (800 случаев, 53 %), чем сложные цепочки (артикль + лексема + X: *le Boçu savetier*; 715 случаев или 47 %), однако это различие не кажется нам сколько-нибудь значимым.

В то же время гораздо более частыми являются случаи простого употребления антропонима с артиклем (артикль + антропоним: *la Germaine*; 95 употреблений или 81 %), чем случаи, когда за сочетанием артикля и антропонима следует еще какой-то элемент (артикль + антропоним + X: *ly Jehan de Chesseigne*; 22 употребления или 19 %). Этот более малочисленный класс цепочек возникает в силу

¹⁶ На данном этапе гипотезу об оттопонимическом происхождении этой номинации ослабляет лишь тот факт, что нам не удалось установить местность, обозначаемую соответствующим топонимом. Однако база данных *PatRom* не содержит никаких других упоминаний *Biaroe*, что делает особенно вероятным соответствие между всеми четырьмя указанными цепочками.

¹⁷ База данных *PatRom* не содержит других упоминаний *Villeret*.

требований коммуникативной ситуации: в случае, если личное имя оказывается достаточно распространенным, его изолированное употребление порождает референциальную двусмысленность, что вынуждает писца более точно идентифицировать референт с помощью конструкции «определенный артикль + антропоним + расширение синтагмы» [ср.: Gary-Prieur, 105–117]. Что касается доминирующего типа *la Germaine*, то его частотность не связана с синтаксической структурой, мы вернемся к нему в разделе 2.2.4.4.

Две антропонимические цепочки, в которых определенный артикль стоит перед названием местности, не содержат расширяющих синтагму элементов (*la Biaroe* и *la Villeret*).

2.2.4. Ареальный аспект

2.2.4.1. Как мы уже отмечали, диахронический аспект оказывается нерелевантным для объяснения полученных данных. Впрочем, из всех диасистемных аспектов, отличающих вариативную лингвистику¹⁸, следует все же задаться вопросом об объяснительной силе второго важного критерия, легко применимого при изучении древнего состояния языка — мы имеем в виду ареальный (*diatopique*) аспект. Начнем с того, что сравним общее число антропонимических цепочек, доступных в базе данных для восьми диалектных зон, разграниченных в *PatRom*, с соответствующим числом антропонимических цепочек, начинающихся с определенного артикля.

Диалект	Кол-во цепочек	Кол-во цепочек с определенным артиклем
Центрально-французский	75 380	150
Верхне-бретонский	14 799	75
Пуатвинский	9 528	96
Нормандский	11 231	74
Пикардский	29 673	841
Лотарингский	18 916	249
Шампанский	4 606	100
Бургундский и диалект Франш-Конте	8 331	317
<i>Итого</i>	<i>172 464</i>	<i>1 902</i>

¹⁸ Диасистемными (*diasystémique*) в современной французской лингвистике называют те аспекты изучения языковой системы, которые относятся к ее вариантам. В частности, эволюция системы рассматривается как ее варьирование, т. е. как последовательная смена вариантов системы. В синхронии «диасистемная» или «вариативная» лингвистика соответственно занимается диалектными и социолектными вариантами языка. — *Прим. перев.*

Из-за существенных численных расхождений между двумя колонками, более наглядным будет графическое представление, основанное на относительных процентных соотношениях, а не на абсолютных цифрах (рис. 1).

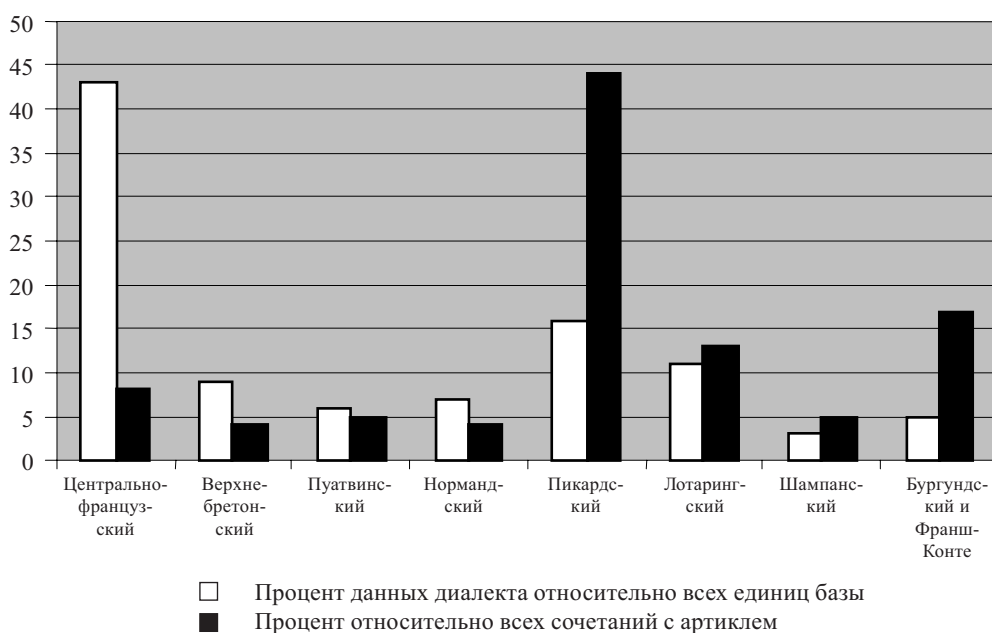

Рис. 1

Для пяти из восьми диалектных зон общий процент антропонимических цепочек и процент цепочек с артиклем легко сопоставимы: соответственно 9 и 4 % для верхне-бретонского, 6 и 5 % для пуатвинского, 7 и 4 % для нормандского, 11 и 13 % для лотарингского, 3 и 5 % для шампанского¹⁹. В то же время цифры для центрально-французского, пикардского и бургундского диалектов требуют комментариев.

2.2.4.2. Начнем с центрально-французского. Если центрально-французской диалектной зоне принадлежат 43 % всех единиц базы данных *PatRom*, то среди всех антропонимических цепочек с артиклем на нее приходится лишь 8 %. Это первый факт, на который мы должны обратить внимание: в центрально-французской зоне, данные которой брались в основном из парижских источников (реестры 1292, 1296, 1297, 1298, 1299, 1300, 1313, 1421, 1423, 1438 гг., а также многочисленные картулярии, объединяющие различные документы XII–XIV вв.), обнаруживается сравнительно немного антропонимических цепочек

¹⁹ Эти цифры учитывают и неизбежные при составлении выборки случайности, однако мы посчитали, что возможные небольшие отклонения незначительны.

с определенным артиклем. Тот факт, что в данном случае мы имеем дело с «языком административного, интеллектуального и демографического центра, скриптой двора и королевской канцелярии, являющейся в некотором роде предком современного стандартного французского языка» [Buchi, Glessgen, 76], по-видимому, является одной из причин, по которой модифицированное имя собственное занимает в современном французском языке маргинальное положение.

2.2.4.3. В противоположность центрально-французскому, пикардский диалект существенно хуже представлен в базе данных (16 % всех употреблений), однако на него приходится почти половина (44 %) всех антропонимических цепочек с определенным артиклем. Впрочем, если присмотреться поближе к этому факту, окажется, что такая концентрация цепочек с артиклем отражает не все пикардские источники, а только «Поминальный список товарищества жонглеров и горожан Арраса» (*Nécrologe de la confrérie des jongleurs et des bourgeois d'Arras*, 1194–1361): из 841 употребления 580 (69 %) приходятся именно на этот источник. Поминальный список из Арраса примечателен также тем, что в нем вместо обычной последовательности «личное имя, данное при крещении, + прозвище» именованья обычно подаются в обратном порядке: «прозвище + личное имя» (*li Jais Jehan* <Черный Жеан = Жеан Черный>, *le Jongleresse Catherine* [Болтунья Катрин = Катрин Болтунья])²⁰, наподобие того, как мы сегодня указываем фамилию и имя автора в библиографии. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с явлением, обратным тому хорошо известному способу именованья, который мы исключили из нашего корпуса (см. 2.1).

2.2.4.4. Остается диалектная область Бургундии и Франш-Конте, на которую, хоть она и дает всего 5 % антропонимических цепочек, извлеченных из *PatRom*, приходится 17 % всех цепочек с определенным артиклем. Это несоответствие, хотя бы частично, объясняется очень высоким процентом именованья, построенных на сочетании артикля с личным именем (*la Nichole dou Pavoillon*, Саленс, 1275; *li Francoise*, Безансон, 1386; *la Rolande*, Бон, 1442). Если же рассматривать только цепочки без расширяющих их элементов (типа *li Francoise*, *la Rolande*), перевес северо-восточной диалектной зоны станет еще заметнее: приводимый ниже график ясно показывает, что относительно общего числа цепочек, доступных в базе данных *PatRom* для отдельных диалектных зон, области Бургундии и Франш-Конте концентрируют наибольшее количество цепочек, построенных по схеме «артикль + личное имя» (рис. 2).

²⁰ Берже особенно подчеркивает «столь странные привычки писцов этого товарищества. Начиная с 1196 г. они начинают ставить имя после прозвища. Такой способ записи быстро закрепился, хотя исключения встречаются почти каждый год. С начала XIV в. он становится регулярным, что приводит к появлению записей типа: *Grumeliers Robers li* <Месильщик Робер; *grumelier* — тот, кто месил *grumel*, жидкую смесь, использовавшуюся в процессе выделки некоторых видов тканей. — Прим. перев.>, *Paris Jakemes de* <Париж(а) Жакем из>. Эта практика, другие примеры которой мне неизвестны, несла в себе нечто революционное...» [Berger, 57].

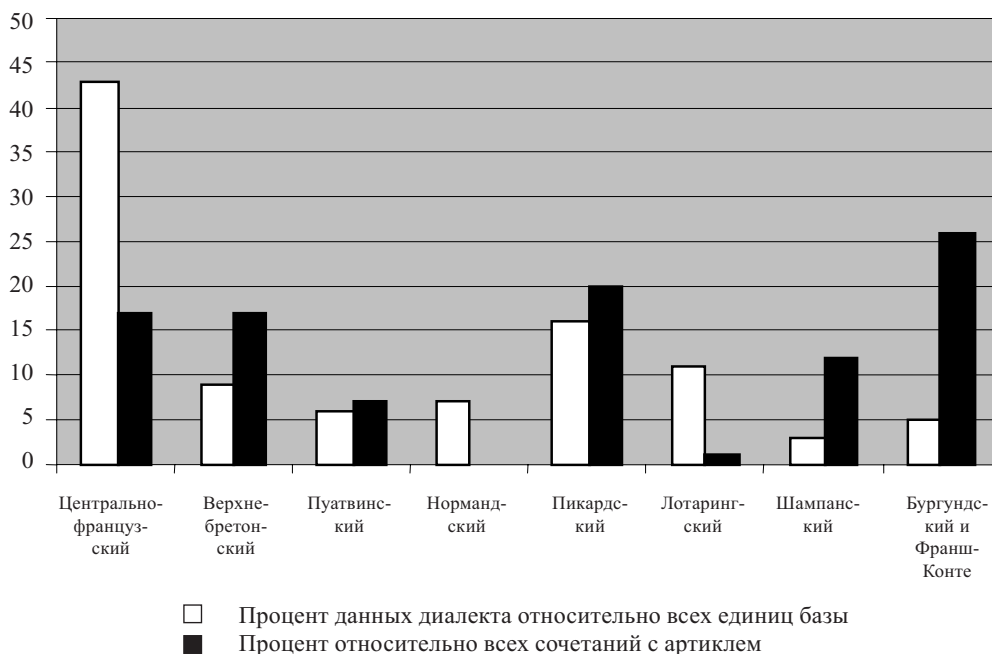

Рис. 2

Другими словами, в данном случае речь идет о явной закреплённости в восточной зоне, которой соответствует синтаксическая особенность просторечного французского языка, зафиксированная, в частности (хоть и не только), на востоке Франции и состоящая в употреблении определенного артикля перед именем (*La Bernadette, l'Hubert*)²¹. Наш корпус позволяет увидеть ту же тенденцию в Шампани, однако почти полное отсутствие таких конструкций в Лотарингии удивительно. Если при обработке данных нами не была допущена ошибка, можно предполагать, что такая синтаксическая модель распространилась в Лотарингии позже, чем в других областях.

2.2.4.5. Мы завершим это раздел небольшим замечанием относительно нормандских данных. В 2.2.4.1 мы видели, что на нормандские области приходится

²¹ Ср.: [Lanher, Litaize] — употребление *le, la* в Лотарингии; [Boisgontier] — употребление *le, la* в Аквитании («употребление диалектного происхождения, распространенное в Гаскони и департаментах Гаронны и не встречающееся в Пиренеях»); [Robez-Ferraris] — употребление *le, la* в департаменте Юра («такая конструкция, по-видимому, широко распространена в сельских районах и некоторых регионах»); [Fréchet, 1997] — употребление *le, la, les* в департаменте Дром; [Fréchet, Martin] — употребление *le, la* в департаменте Эн; [Benoît, Michel] — употребление *le, la, les* в окрестностях Меца («широко распространенный грамматический регионализм»). В противоположность вульгарному общефранцузскому [ср.: Grevisse, Goosse, 339], это «диалектное» употребление не несет никакого пренебрежительного оттенка.

незначительное число антропонимических цепочек с определенным артиклем. Это может показаться удивительным, так как именно в Нормандии отмечается наибольшая частотность фамилий с агглютинированным артиклем типа *Labbé*, *Lacaille*, *Leblanc*, *Leboucher* или *Levillain*²². Можно заключить, что этот тип фамилий восходит не к целым антропонимическим цепочкам, а к прозвищам, обычно занимающим внутри этих цепочек второе место, как в *Aelicia la Borgeise* (Сен-Вигор, 1292) или *Bernart le Mire* (Ю, 1307).

2.2.5. Морфологический аспект

Последний критерий, позволяющий описать специфику модифицированных антропонимических цепочек, относится к области морфологии. Впрочем, он касается лишь цепочек, называющих лицо женского пола, и, внутри этого класса, лишь цепочек с основой-антропонимом.

Наш корпус дает 64 антропонимические цепочки, состоящие из определенного артикля женского рода и женского личного имени. Для каждой из них в тех же источниках мы обнаруживаем мужские формы, от которых они, вероятно, были образованы: *la Bernardote* (Онис, 1246) может быть сближена с *Martin Bernardot* (Онис, 1246), *la Racaude* (Ньор, 1249/1271) — с *Racaus* (Ньор, 1249/1271), *la Droinesse* (Шампань, 1295) — с *Droins Patins* (Шампань, 1295), *la Rinaude* (Саленс-ле-Бен, 1276) — с *Rinaut au Crot de Chimin* (Саленс-ле-Бен, 1276), а *la Viennotte* (Бон, 1470) — с *Viennot le Bon* (Бон, 1470). Таким образом, мы имеем переходы²³:

<i>(Martin) Bernardot</i>	→	<i>la Bernardote</i>
<i>Racaus</i>	→	<i>la Racaude</i>
<i>Droins (Patins)</i>	→	<i>la Droinesse</i>
<i>Rinaut (au Crot de Chimin)</i>	→	<i>la Rinaude</i>
<i>Viennot (le Bon)</i>	→	<i>la Viennotte</i>

²² «Особенно характерно присутствие или отсутствие артикля перед названием профессии (*Mercier* <Галантерейщик> — *Lemercier*) или перед прозвищем, принадлежащим одному из следующих классов: название титула (*Roy* <Король> — *Leroy*), метафорически употребленное нарицательное существительное (*Boeuf* <Бык> — *Leboeuf*) или прилагательное, обозначающее черту характера или особенность внешнего вида (*Roux* <Рыжий> — *Leroux*). <...> Хотя в отсутствии достаточных данных мы не можем провести четкое разграничение, все же можно сказать, что артикль обычно отсутствует на юго-востоке, от Лангедока до швейцарской Романдии включительно; формы с артиклем и без артикля встречаются на юго-западе, в районе Центрального массива, в центре и на востоке зоны oïl; на севере и северо-западе, особенно в Нормандии и Эно, встречаются почти исключительно формы с агглютинированным артиклем» [Dauzat, 303]. Эта особенность Нормандии подтверждается исследованиями, проводимыми в рамках *PatRom*.

²³ Примечательно, что ни одна такая антропонимическая цепочка не образована от широко распространенного личного имени (**la Jehanne*, **la Martine*): можно предполагать, что в этом случае был бы особенно велик риск возникновения омонимии.

Если исходные мужские цепочки не содержат артикля, но чаще всего содержат расширяющий синтагму элемент (*Martin, Patins* и т. д.), то образованные от них женские именованья содержат определенный артикль, а в качестве «расширяющего элемента» здесь выступают морфологические показатели женского рода (*-e, -de, -esse, -te*). Артикль, наподобие расширяющих элементов в мужских антропонимических цепочках, позволяет избежать референциальной неопределенности. Вслед за [Gary-Prieur, 104] можно сказать, что «модель *le* + ИС выполняет анафорическую функцию, так как системно <определенный> артикль указывает на единичность референта <...>: анафорический артикль отсылает к референту, очевидному для говорящего».

Что касается восьми цепочек, содержащих, помимо артикля и личного женского имени, расширяющий элемент, для них мы не нашли надежных мужских соответствий. Впрочем, в трех из них фиксируются личные имена, широко представленные в базе данных: *la Fremine pastaiere* <Фремин кондитерша> (Париж, 1297), *la Jehanne de Grantson ma demoiselle* <Жанна из Грантсона девица> (Безансон, 1400) и *la Nichole dou Pavoillon* <Николь из Павольёна> (Саленс-ле-Бен, 1275). В таких антропонимических цепочках индивидуализирующую функцию выполняет именно расширяющий элемент, так как простая феминизация формы оказывается недостаточной.

Заметим, что такой средневековый способ употребления имени отчасти сохранился в современном французском языке, понимается, без добавления морфем женского рода; обычно он критикуется грамматистами: «люди используют артикль женского рода для именованья женщины по мужу (*la Durand*), это один из самых грубых оборотов» [Dauzat, 364].

2.2.6. Опыт унифицированного объяснения

2.2.6.1. Критерии, которые мы использовали для интерпретации 1 902 антропонимических цепочек, начинающихся с определенного артикля и извлеченных из базы данных *PatRom*, позволяют нам утверждать следующее:

1. Во французском антропонимиконе антропонимические цепочки, модифицированные определенным артиклем, известны как минимум с XI в., при этом ни один из периодов истории этого феномена не выделяется как особенно типичный.

2. Чаще всего основу антропонимической цепочки, модифицированной определенным артиклем, составляет аппеллятив или, выражаясь точнее, в большинстве случаев — отаппеллятивное имя собственное (различие между ними, столь радикальное в теории, на практике установить часто невозможно).

3. Некоторые антропонимические цепочки, модифицированные определенным артиклем, содержат элемент, отличный от артикля и непосредственного детерминируемой им языковой единицы. Такое расширение обязательно, когда в качестве основы цепочки выступает обозначение титула или вводный элемент,

маргинально в цепочках с лексемами *stricto sensu* и отсутствует в цепочках с топонимической основой.

4. С точки зрения ареального распределения форм существенны две тенденции: а) в центральном наречии и языке Парижа существенно меньше антропонимических цепочек, модифицированных определенным артиклем, чем в периферийных диалектах французского языка; б) восточная зона севера Франции (Бургундия и Франш-Конте) дает особенно большое число антропонимических цепочек, модифицированных определенным артиклем, с основой-антропонимом.

5. Когда в качестве основы модифицированной антропонимической цепочки выступает женский антропоним, он чаще всего представляет собой мужское личное имя с морфологическим показателем женского рода.

2.2.6.2. Не ставя под сомнение значение такого детализированного анализа, мы сейчас попытаемся дать унифицированную интерпретацию 1 902 антропонимических цепочек с определенным артиклем, которые мы извлекли для нашего корпуса. Чтобы очертить общий знаменатель для всех описанных выше видов цепочек, продуктивным нам представляется понятие «определенной дескрипции», введенное Расселом и уточненное Клейбером. Последний [Kleiber, 1981, 173–174] называет *определенной дескрипцией* всякую именную синтагму, которая начинается с определенного артикля единственного числа и отсылает к единичному субъекту. Таким образом, антропонимические цепочки с определенным артиклем составляют особый тип определенных дескрипций, специфика которых заключается в том, что они обязательно включают в себя имя собственное: *li Beigues, le Bozu savetier, li sires Forquez de Jurue, le dit Petit, le Francois, ly Jehan de Chesseigne* и *la Biaroe* — все соответствуют определению определенной дескрипции.

Именно теория определенной дескрипции позволяет рассматривать артикль как «переключатель» между референциальной неопределенностью всякого личного имени, которое может принадлежать неограниченному числу лиц, и той внеязыковой ситуацией, которая из этой абстрактной совокупности лиц выделяет одно единственное, то, которое однозначно имеет в виду писец: «определенный артикль лимитирует эту совокупность, сводя ее к одному единственному лицу» [Там же, 173]²⁴.

²⁴ Более широкий контекст позволит лучше понять это утверждение: «индивидуализирующее существительное (*substantif individuant*, в теории Клейбера существительное, референциальный класс которого опознается как состоящий из отдельных элементов или «индивидов», то же, что исчисляемое существительное. — Прим. перев.) предполагает наличие определенной совокупности индивидов. Таким образом, определенный артикль лимитирует эту совокупность, сводя ее к одному единственному лицу. Другими словами, мы имеем дело со следующей ситуацией: с одной стороны, существительное указывает на множество возможных индивидов, с другой стороны, определенный артикль говорит, что есть лишь один такой индивид. Чтобы эта информация не была противоречивой, необходимы референциальные указатели, которые позволяют, путем осуществляемого ими сужения <референциального класса>, избежать противоречия между указаниями, привносимыми определенным артиклем, и указаниями, <входящими в семантику> индивидуализирующего существительного» [Kleiber, 1981, 173].

Ни один из выделенных выше типов цепочек, разумеется, не обяывает говорящего (в нашем случае, скорее, пишущего) использовать артикль. В действительности, для каждого модифицированного типа мы обнаруживаем структурные параллели немодифицированного характера, даже если некоторые из них, как, например, случаи с вводным элементом *dit* <‘названный, прозванный’>, крайне малочисленны:

<i>li Beigues</i>	—	<i>Roussele</i> (Понтье, 1311/1312)
<i>le Boçu savetier</i>	—	<i>Petit de Chalons</i> (Провенс, 1285)
<i>li sires Forquez de Jurue</i>	—	<i>sire Androwin Roucel</i> (Мец, 1505)
<i>le dit Petit</i>	—	<i>dit Girart Meguet</i> (Саленс, 1253)
<i>le Francois</i>	—	<i>Francois</i> (Артуа, ок. 1300)
<i>ly Jehan de Chesseigne</i>	—	<i>Jehan de Lusigny</i> (Труа, 1429)
<i>la Biaroe</i>	—	<i>Besançon Bourreler</i> (Бон, 1423)

Можно заключить, что в тех случаях, когда писец при именовании человека использует определенный артикль, однозначная референция представляется ему затруднительной, причины того могут быть как внеязыкового (референциальная неоднозначность), так и языкового (контекстная неоднозначность) характера: «Можно видеть, что модифицированное деноминативное ИС представляет собой такой тип, который возникает, когда модификации ИС требуют факторы, относящиеся к ситуации высказывания. Обычно такие номинации указывают на невозможность референциально однозначного употребления немодифицированного ИС» [Jonasson, 183].

2.2.6.3. Такой подход объясняет большую часть из 1 902 модифицированных антропонимических цепочек, извлеченных нами из *PatRom*. Но он может использоваться и для объяснения самого появления всей совокупности анализируемых в данной работе конструкций. Тем более что некоторые из них впоследствии приобрели определенную системную регулярность в отдельных вариантах французского языка.

3. От определенной дескрипции к фамилии

3.1. Мы завершим данное исследование кратким обзором предположительных следов преддетерминации некоторых антропонимических цепочек (в том виде, в котором она обнаруживается в средневековых документах, где она остается явлением исключительно речевым) в современном французском антропонимиконе, каковой относится к языковой системе. Нас будет интересовать динамика (сохранение или исчезновение) определенного артикля при закреплении фамилий, нам представляется, что это может позволить получить ценные сведения о статусе артикля при переходе от индивидуального имени к имени родовому²⁵.

²⁵ По поводу времени фиксации фамилий в разных регионах см. [Dauzat, 38–48; Bourin].

В этом смысле этот анализ перекликается с проведенным одной из нас исследованием лексикализации имен собственных с артиклем (*Le Corbusier* > *lecorbuserie*, суф. ж. р. 'здание в стиле Ле Корбюзье' [см.: Vuchi, 2002]).

3.2. Первая стадия последовательной фиксации предполагает агглютинацию артикля к основе²⁶. Этот процесс засвидетельствован уже в XII в. (*Lafranceise*, Нормандия, 1195), хотя в это время он происходит редко и почти всегда в цепочках с основами-лексемами *stricto sensu* (*Lepage*, Версон, 1247; *Laforest paticher*, Лувье, 1597) или вводными элементами (*lidit Passavant*, Безансон, XIV в., *lenommé Laroche*, Комбс, 1791). Во всяком случае, учитывая тот факт, что средневековые писцы не всегда разделяли слова²⁷, это чисто графическое явление не слишком показательны.

3.3. Взгляд на современную ситуацию, сложившуюся уже после процесса патронимизации, будет более показательным. Действительно, существование большого количества фамилий, этимологически состоящих из лексем *stricto sensu*, сопровождаемых определенным артиклем, употребляется ли он слитно или отдельно (*Le Petit/Lepetit*)²⁸, свидетельствует о том, что закрепление детерминатива происходило позже момента перехода индивидуальных личных имен в родовые²⁹. Сами по себе такие свидетельства непоказательны, так как ничего не доказывает тот факт, что фамилии типа *Lepetit* образовались путем фиксации преддетерминированных антропонимических цепочек вроде *Le Petit Perrin* (Бон, 1400). Однако, если бы было показано численное превосходство цепочек, в которых артикль детерминирует единственный расширяющий синтагму элемент (как в *Jehan le Petit*, Париж, 1297)³⁰, мы были бы склонны утверждать, что подобного рода фамилии чаще всего восходят именно к таким цепочкам.

3.4. Эта неуверенность по поводу синтаксического происхождения фамилий с агглютинированным артиклем затрагивает всю совокупность цепочек с аппеллятивными основами. В качестве примера мы попытались снять эту неуверенность

²⁶ См. об этом [Germain], где показано, что решающее значение для присоединения или неприсоединения имеет количество слогов в имени.

²⁷ «Old French scribes were less conscious than we are of the limits of those language units we call words; consequently, groups of words are often run together in manuscripts <(англ.) Средневековые французские писцы в меньшей степени, нежели мы сегодня, осознавали границы тех языковых единиц, которые мы называем словами; как следствие, словосочетания часто даются в рукописях без пробела>» [Foulet, Speer].

²⁸ Это касается не только Нормандии, региона, где такой способ образования фамилий оказался наиболее частотным, но всего северофранцузского ареала (см. 2.2.4.5. и прим. 22).

²⁹ Впрочем, это утверждение не мешает, как на то указывает Жан-Пьер Шамбон, рассматривать артикль в с и н х р о н и и как показатель антропонимизации (ср. *Lemaréchal*) [Chambon, 1989, 27–28, 36–38, 46–48 и след.].

³⁰ Мы не располагаем точными цифрами, подтверждающими это превосходство, однако постоянная работа со средневековыми антропонимическими источниками убеждает нас в том, что дело обстоит именно так.

для цепочек, построенных по формуле «*le dit X*»³¹, статистическая частотность которого, как нам показалось, делает его пригодным для детального анализа. Эта формула закрепились во французском патронимиконе в форме *Ledit*³², такая фамилия типична для востока Франции, она фиксируется как в текстах XIX в. (департамент Ду, Верхний Рейн, Бельфор, Вогезы [см.: Fordant]), так и на современном этапе (29 телефонных абонентов, большинство из которых проживают в департаменте Об и Бельфоре³³). Средневековый предок этой фамилии мог состоять только из модифицированной антропонимической цепочки, так как в базе данных *PatRom* «*le + dit*» встречается только в начале цепочки, случаев, когда оно стоит в середине синтагмы (**X le dit Y*), нет: все 18 употреблений *le dit* (*le dit Maussacre*, Пуатье, 1296; *le dit Hugenot*, Булонь-сюр-Мер, 1415–1416; *le dit Petit*, Труа, 1547) и 21 употребление *ledit* (*ledit Perreaul*, Бургундия, 1374/1375; *ledit Estevenin Chevriat*, Безансон, 1384/1387; *ledit Jehan le Rouziés*, Мец, 1440) приходятся на начало синтагмы.

Конечно, в данном случае речь идет о свидетельствах выборочных и весьма ограниченных, понятно, что, чтобы оценить масштаб явления, необходимы будут аналогичные исследования для некоторых других цепочек с лексическими основами. Тем не менее анализ *ledit* красноречиво показывает, что в определенный момент (в общем случае не совпадающий с тем, который отражен в анализируемых исторических источниках) в языковом сознании элемент, изначально служивший модификатором, превратился в самостоятельное имя собственное. Нам показалось важным указать на эту «абсорбцию» именем собственным того, что изначально являлось простым детерминативом.

4. Заключение

В ходе данного исследования использование категориального аппарата, разработанного в рамках теории имени собственного, при анализе исторического антропонимического корпуса оказалось чрезвычайно продуктивным; об этом в полной мере свидетельствуют ссылки на работы Н. Фло, М.-Н. Гари-Приер, К. Йонассон, Ж. Клейбера и М. Ноайи.

³¹ Типологию антропонимов с элементом *dit* см. в [Vincent, 1958].

³² С течением веков, очевидно, произошло переосмысление, т. к. изначально эта конструкция служила для введения в текст имени уже упомянутого лица, ср. *Osennete, borjoise dou Nuef Chastel* <Осеннет, горожанка из Нуеф Шастель>, о которой несколькими строками ниже говорится: «après le décès la-dite Osannete <после кончины прозванная Осаннет>» (Нефшато, 1265) [см.: Lanher, 112–113]. Изначально такая конструкция не могла иметь независимого употребления.

³³ Ареальное распределение носителей современных фамилий устанавливалось нами по электронной базе телефонных абонентов France Telecom (1998). Мы благодарим Кароль Шампи (ATILF, Нанси), которая согласилась взять на себя эту часть работы.

Мы также надеемся, что нам удалось показать и обратное: что исторический подход может внести свою лепту в теоретический анализ модифицированного имени собственного, причем в двух направлениях. Во-первых, использование оригинального обширного антропонимического корпуса преимущественно средневековых антропонимических цепочек придает минимально необходимую историческую глубину нашему пониманию французской антропонимической системы. Второй аспект, пока еще не развитый в полной мере, но несомненно требующий более пристального внимания, касается фиксации артикаля в родовых именах.

Диалог между исторической и теоретической антропонимией начат. Нам представляется необходимым продолжать и углублять его.

-
- Benoît M., Michel C.* Le parler de Metz et du pays messin. Metz : Serpenoise, 2001.
- Berger R.* Le Nécrologe de la confrérie des jongleurs et des bourgeois d'Arras (1194–1361). Arras : Mémoires de la Commission Départementale des Monuments historiques du Pas-de-Calais, 1970.
- Boisgontier J.* Dictionnaire du français régional des Pays Aquitains. Paris : Bonneton, 1991.
- Bourin M.* Genèse médiévale de l'anthroponymie moderne. Tours : Publications de l'Université de Tours, 1990–2002.
- Boutiot T., Socard E.* Dictionnaire topographique du département de l'Aube. Paris : Imprimerie nationale, 1874.
- Buchi E.* La méthodologie de l'étymologie des noms de famille (domaine français et galloroman) // *Revista Italiana di Onomastica*. 2001, 7. Д. 105–127.
- Buchi E.* Réflexions sur l'apport de la déonymastique pour la théorie du nom propre: le cas des éponymes à article intégré (domaine roman) // *Onomastik. Akten des 18. Internationalen Kongresses für Namenforschung* (Trier, 12–17 April 1993) / D. Kremer (éd.). Tübingen : Niemeyer, 2002. P. 171–188.
- Buchi E., Glessgen M.-D.* Variétés locales et suprarégionales dans la genèse des langues romanes standard // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*. 2001, 11. P. 65–86.
- Cano A. M., Germain J., Kremer D.* (éd.) Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane (PatRom). Tübingen : Niemeyer, 2004–.
- Chambon J.-P.* [Compte rendu de *Nom propre, Langage 66* (1982)] // *Nouvelle Revue d'Onomastique*. 1988, 11/12. P. 177.
- Chambon J.-P.* Une catégorie souvent négligée de noms de personne: les délocutifs. Quelques problèmes de reconnaissance et de classification (domaine français) // *Dictionnaire historique des nom de famille romans. Actes du Ier Colloque* (Trèves, 10–13 décembre 1987) / D. Kremer (éd.). Tübingen : Niemeyer, 1990. P. 128–137.
- Chambon J.-P.* Méthodes en anthroponymie historique: cinq noms de famille bas-auvergnats (*Chassa[i]gnon, Vorilhon, Tomilhon, Fayon, Chandezon*) // *Revista Italiana di Onomastica*. 1996, 2. P. 263–285.
- Chambon J.-P.* Méthodes en anthroponymie historique: à propos du nom de famille occitan Dental et cogénères de l'article DENT-LE du *Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane* // *Dictionnaire historique des nom de famille romans* [IX]. *Actas del IX Coloquio* (Uviéu/Oviedo, 26–29 de octubre 1995) / A. M. Cano González, Villa Basalo S. (éd.). Tübingen : Niemeyer, 1998. P. 65–81.

- Chambon J.-P.* Onomastique du censier interpolé (ca 946) dans la charte de fondation du monastère auvergnat de Sauxillanges // *Revue de Linguistique Romane*. 2004, 68. P. 105–180.
- Dauzat A.* Traité d'anthroponymie française. Les noms de famille en France. Paris : Guénégaud, 1977³ [1943¹].
- Flaux N.* La catégorisation du nom propre // *Nom propre et Nomination* / M. Noailly (éd.). Paris : Klincksieck, 1995. P. 63–73.
- Fordant L.* Tous les noms de famille et leur localisation en 1900. Paris : Archives & Culture, 1999.
- Foulet A., Speer M. B.* On Editing Old French Texts. Lawrens : Regent Press of Kansas, 1979.
- France Telecom. Le Disque Télécom. L'Annuaire de France Télécom sur CD ROM. Paris : France Telecom.
- Fréchet C.* Dictionnaire du parler de la Drôme. Valence : E&R, 1997.
- Fréchet C., Martin J.-B.* Dictionnaire du français régional de l'Ain. Paris : Bonneton, 1998.
- Gary-Prieur M.-N.* Grammaire du nom propre. Paris : Presses Universitaires de France, 1994.
- Germain J.* Du surnom au nom de famille. La fixation formelle des noms de famille en domaine d'oïl à partir de l'exemple de Namure (Wallonie) // *Actas do XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas (Santiago de Compostela, 20–25 setembro 1999) [cédérom]* / Bullón Agrello A. I. (éd). A Corun~a : Instituto da Lingua Galega, 2002. P. 1409–1414.
- Grevisse M., Goosse A.* Le Bon Usage: grammaire française. Paris : Duculot, 1993¹³ [1936¹].
- Jonasson K.* Le Nom Propre. Constructions et interprétations. Louvain-la-Neuve : Duculot, 1994.
- Kleiber G.* Problèmes de référence. Descriptions définies et noms propres. Paris : Klincksieck, 1981.
- Kleiber G.* Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques // *Journal of French Language Studies*. 1992, 2. P. 185–205.
- Kremer D.* (coord.) Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane (PatRom). Présentation d'un projet. Tübingen : Niemeyer, 1997.
- Lanher J.* Chartes en langue française antérieurs à 1271 conservées dans le département des Vosges. Paris : Editions du CNRS, 1975.
- Lemaréchal A.* Les parties du discours. Sémantique et syntaxe. Paris : Presses Universitaires de France, 1989.
- Noailly M.* La querelle des noms propres // *Modèles linguistiques*. 1999, 39. P. 107–112.
- Robez-Ferraris J.* Particularités du français parlé dans la région de Morez, Haut-Jura. Grenoble : ELLUG, 1995.
- Vincent A.* L'emploi de *dit* dans les noms de personne // *Bulletin de la Commission Royale de Toponymie et Dialectologie*, 1958, 32. P. 195–216.
- Wirth A.* Prolégomènes à un dictionnaire des noms de famille lorrains, mémoire de DEA. Université Marc Bloch, Strasbourg II, 2002.
- Wirth A.* Eléments d'anthroponymie lorraine. Application de la méthodologie PatRom à une sélection de noms de famille. Dijon : Association Bourguignonne d'Etudes Linguistiques et Littéraires, 2003.

Перев. с франц. Д. В. Спиридонова